

* * *

Не жалко глупого стишка,
Что вспыхнул и сгорел,
А жалко синего щенка,
Что так и не прозрел.

Как вечер августа он был,
Как штиль, лежал без сил.
Никто нигде о нем не выл,
Не помнил, не просил.

Не о добре и не о зле
Я думала, когда
Его качала в подоле,
Как тихая вода.

И прижимала к животу,
А он легчал, легчал...
Как будто кто-то пустоту
Под сердцем мне зачал.

Не о тебе, не обо мне,
И ни о ком другом.
Я горько плакала во сне
О чем-то дорогом.

Варкалось. Синие щенки
Пырялись по наве.
И утиралось со щеки,
И море в голове.

* * *

Ловилось с Патриаршего моста
И отпускалось. Мне всегда хотелось
Ужения в порожистых местах
На волчий хвост и заячью несмелость.

Все сбудется великой маятой.
Не для меня, не мне дрожанье лески,
Вы обрываете ее легко и резко
Волшебной щукой, рыбкой золотой.

Я царь, я раб, копающий червей,
Я узнаю своих в одно касание.
Им на крючках танцуется живей.
Как говорится в пушкинском писании,

Не дай вам Бог другого рыбака,
Иной старухе вечно будет мало...
Храни Вас Яуза, и Клязьма, и Ока.
Я вас ловила. Я вас — не поймала.

* * *

Ребенок, не рожденный от тебя,
Не запеленут важно в голубое,
Не смотрит удивленными глазами
На фетровых лисицу и зайчонка,
Которые, крутясь над колыбелью,
Замедленно преследуют друг друга;

Не хнычет, если с ложечки латунной
Его кормлю то клюквой, то брусникой.
(Он любит горькое с последнего триместра,
С апреля, когда я тебе открылась).
Он тихий мальчик, хорошо воспитан.
Как ладанка, легка его коляска.
Когда он ночью мелодично плачет,
Мне снится бесконечное зачатъе.

